

Капризы и странности судьбы

Судьба всегда дает шанс! Не верите?

Читайте романы Олега Роя:

■

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Банкротство мнимых ценностей
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Пасынки судьбы
Он & Она
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Фантомная боль
Я тебя никому не отдам
Страх
И небеса пронзит комета
Числа зверя и человека
Диалогия «Ловушка»
Ловушка для вершителя судьбы
Ловушка для влюбленных
Секреты семейного счастья от Олега Роя
МУЖЧИНА и женщина
ЖЕНЩИНА и мужчина
Скользящий странник

Сборник рассказов О. Роя и участников конкурса «Страсти по Олегу Рою»

ОЛЕГ
РОЙ

Банкротство мнимых ценностей
р о м а н

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.

Р65 Банкротство мнимых ценностей : роман / Олег Рой. — Москва :
Издательство «Эксмо», 2022. — 320 с. — (Капризы и странности
судьбы. Романы О. Роя).

ISBN 978-5-699-90512-6

Евгений Крутилин к своей кличке «ЛОХНЕСС» относился двояко. С одной стороны, ему было приятно чувствовать себя редким зверем, ласково именуемым «НЕССИ». С другой стороны, первые три буквы школьного прозвища вызывали в нем чувство протеста: «Нет, он не ЛОХ, он о-го-го какой бизнес построил, какую красавицу в жены взял!» Но жизнь – такая капризная штука, что сегодня ты возНЕССя, а завтра ЛОХанулся и приземлился прямо в лужу, став одновременно и банкротом, и рогоносцем. Осознание своего лузерства только у сильных духом людей вызывает сопротивление и желание все исправить. Пусть даже ценой собственной жизни. Но если оно возникло, если ты начал двигаться к намеченной цели, то для тебя всегда найдется ангел-хранитель. Думал ли Женька Крутилин, что удостоится таких ангелов?!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90512-6

© Резепкин О., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Сизый табачный дым, клубившийся над каждым столиком, выглядел в неярко свете бра почти осязаемым. Казалось, стоит протянуть руку — и сможешь почувствовать в ладонях рыхлые облака, сжать их, скомкать, ощутить, какие они липкие... Во всяком случае, именно так представлялось мужчине в стильных очках, сидевшему в углу зала, рядом с елкой, украшенной одинаковыми шарами. В этот рождественский вечер его все раздражало: и елка, мешавшая удобно откинуться на спинку дивана, и полумрак зала «с претензией на интимную обстановку», и огромная плазменная панель напротив, с какими-то очередными рождественскими соплями, и дым... Особенно дым. Три года назад он бросил курить и с тех пор не переносил, когда кто-то смолил рядом. Вплоть до того, что старался избегать тусовок и даже некоторых деловых встреч — потому что рано или поздно у собеседников обязательно появлялись в руках сигареты. Свободно дышать удавалось лишь в собственном офисе, где он установил строгий запрет на курение. Нарушителям грозил штраф, а во время приема на работу новых сотрудников отсутствие вредной привычки выступало одним из критериев отбора. Впрочем, сейчас все уже оказалось в прошлом. Офиса у него больше не было, и компании, торговавшей компьютерами и когда-то считавшейся

Олег Рой

одной из лучших в Москве, тоже не было. Кризис, будь он неладен!..

Сегодня желание закурить сделалось почти нестерпимым. Он отодвигал навязчивую мысль, прогонял ее, но она, как назойливая муха, возвращалась вновь и вновь, рисуя в воображении заманчивую картину. Ведь это так легко! Протянуть руку, вынуть из лежащей на столе пачки сигарету, почувствовать губами привычную упругость и, щелкнув зажигалкой, впустить в легкие до боли знакомый ароматный дым. Раньше он был уверен, что курение помогает ему думать — именно в такие минуты его посещали наиболее удачные идеи, приходило разрешение мучивших проблем. Может быть, и сейчас... Однако умом он понимал, что подобные надежды напрасны. Да, можно позволить себе поддаться соблазну. И сначала появится приятное, еле заметное головокружение и чувство расслабленности, потом стянет виски, возникнет головная боль и сухость во рту... Но дело даже не в этом. А в том, что в нынешней ситуации никакие сигареты не помогут.

Двое приятелей, сидевшие за его столом, абсолютно не замечали нервного состояния соседа, беспечно болтая между собой. Случайные знакомые из фитнес-клуба Well-being, с которыми он после тренировки увязался в бар, чтобы хоть на несколько часов отвлечься от тягостных мыслей, но здесь, в дорогом ирландском пабе, еще острее почувствовал одиночество и безвыходность своего положения.

Бокал перед ним почти опустел, и он сделал едва заметный жест, подзывая вышколенную официантку в очень короткой клетчатой юбке и кокетливых чулочках. Ножки у девушки были что надо, но сейчас такие вещи его не интересовали.

— Еще сто пятьдесят, пожалуйста.

Официантка услужливо кивнула головой и метнулась к барной стойке, а он опустошил свой бокал одним глотком. Выпито было уже немало, но это не принесло ни радости, ни душевного равновесия, ни успокоительного опьянения. Неприятные мысли и воспоминания все равно просачивались сквозь пелену алкоголя, не давая забытья или хотя бы расслабиться.

Соседи по столу, оживленно жестикулируя, продолжали свою беседу, и ему даже не нужно было прислушиваться, чтобы понять, о чем они говорят. Тема в их кругах сегодня одна — мировой экономический кризис. Кто-то пробует докопаться до причин, кто-то пытается делать прогнозы, но большинство в красках расписывают знакомым, малознакомым и вовсе незнакомым собеседникам, насколько богатыми они были или вот-вот могли бы стать, если б не события этой осени. Вот и сейчас один из его новоявленных приятелей жаловался на то, как накрылся потрясающий кинопроект, в который он вложил, — «всем боевикам боевик, Голливуд отдыхает, Шварценеггер с Ван Даммом лопнули бы от зависти!», а другой выдавал в ответ историю о своей «телочке», которой он клятвенно пообещал, что сделает из нее известную певицу, — и тут такой облом! И оба на полном серьезе считали, что «значительно пострадали из-за кризиса».

Слушать это было невыносимо. Как вообще можно ставить на одну доску несостоявшуюся киношку и банкротство целой компании? Все, во что он много лет вкладывал столько сил, труда, денег, — все рухнуло в какой-то месяц. Дело всей жизни. Бизнес. И нет ничего. Совсем ничего. Он полный банкрот, полный... Интересно, как бы отреагировали его спутники, если б он рассказал им о *своих* проблемах? Изобразили бы сочувствие?

Стали бы утешать сказками о других разорившихся? Или шарахнулись бы от него, как от заразного больного?

«Впрочем, какое мне до них дело? — пронеслось в голове. — Все равно в конце января мой абонемент в клуб закончится, а новый я, естественно, покупать не буду. Перестану ходить на тренировки, они забудут обо мне, а я о них».

Официантка поставила на столик новую порцию коньяка. Он торопливо взял пузатый бокал, сделал большой глоток и скривился — вкус дорогого напитка показался неприятным, даже мерзким.

— Жека, а ты чего грузной такой? — наконец обратил на него внимание неудавшийся продюсер. Вообще-то к кино он никакого отношения не имел, в фильм вложился так, забавы ради. Женя знал, что у этого парня крупный строительный бизнес, но вот имя его никак не мог запомнить. То ли Саша, то ли Серега...

— Какие-то проблемы? — продолжал допытываться тот. — Не дрейфь, прорвемся!

— Да в порядке все, — бывший бизнесмен, а ныне банкрот Евгений Крутилин по прозвищу Лохнесс очнулся от мрачных раздумий и соорудил некое подобие улыбки. — С женой вчера поругался, сегодня надо мириться. Вот не выходит из головы.

— А, ха-ха, старик, — понимающе кивнул второй сосед, Виталик, любитель юных певиц. — Ну, это дело поправимое. Купи ей цацку какую-нибудь подороже — и весь базар. Уж я-то знаю! Когда моя кулема узнала про Дашку... Или это еще не Дашка, а Настасья была?.. Нет, все-таки Дашка... Так вот, такой визг подняла — мама не горюй! Развод, раздел имущества, с детьми видеться не дам, и все такое прочее... Ну я, не будь дураком, колечко ей подогнал, с брюликами покрупнее, — враз заткнулась!

— Хорошая идея, — Лохнесс кивнул и допил остатки коньяка. Он и сам не знал, зачем пошел сюда, вместо того чтобы ехать домой. Но с чужими людьми он чувствовал себя относительно спокойно, хотя и понимал, что это ненадолго. Очень скоро ему придется опять погрузиться в реальную жизнь. И еще он оттягивал разговор с женой, хотел его и боялся одновременно.

Жена... Марина... Такая мягкая, ласковая, вчера впервые за всю их совместную жизнь выпустила коготки и больно царапнула. Что это — случайность? А вдруг теперь, когда он разорился, так будет всегда? Если и дома все обрушится, тогда хоть в петлю...

Он подумал об этом отстраненно, но потом вернулся к этой мысли и повторил ее про себя еще раз, точно пробуя на вкус. И действительно, если он лишится и своего дела, и семьи, то для чего ему жить?

* * *

Марина сама не знала, отчего вдруг решила остаться дома. Не то чтоб некуда было поехать, наоборот, звали и в клуб, и за город с ночевкой. Но она не приняла ни одного из приглашений. Возможно, потому, что не хотелось тратиться на подарки. И раньше-то, до банкротства мужа, Марина была скуповата, больше любила получать, чем дарить. Ну а теперь, когда последние деньги таяли на глазах с ужасающей скоростью, покупка рождественских сувениров выглядела непозволительной роскошью. Нет уж, хватит с них и тех милых пустячков, которые она преподнесла всем друзьям и нужным людям на Новый год!

Так что ни в какие гости и тусовки Марина не поехала, но по магазинам, впрочем, прошвырнулась — праздник же, почти везде рождественские скидки. Купила джинсы, пару кофточек, юбку-

миди, сапожки, сумочку и так, по мелочи: шампунь, пену для ванны с ароматом шоколада, крем для тела с афродизиаками. Конечно, где-то в глубине сознания свербела неприятная мыслишка, что тысячи, которые она тратит, — последние и хорошо бы быть позкономнее... Но Маринка гнала все сомнения прочь, решив для себя, что станет переживать неприятности по мере их поступления. Вот закончатся средства — тогда и начнем плакать и во всем себе отказывать. А сейчас, пока на кредитке еще что-то есть, можно устроить себе маленький праздник.

Домой она вернулась уже в сумерках, перемерила все обновки и, вполне довольная приобретениями, отправилась в ванную, опробовать новую пену.

В тот самый момент, когда запиликал телефон, Марина как раз повесила мокрое банное полотенце на сушилку и потянулась к тюбику с кремом.

— Привет, что делаешь? — прозвучал в трубке знакомый голос, от которого по распаренному обнаженному телу тотчас побежали приятные мурашки.

— А ничего. Дома сижу...

— Собираешься куда-нибудь вечером?

— Да нет, вряд ли. Лениво что-то. Ванну вот приняла с шоколадной пеной, перышки чищу...

— Вот как? А твой где?

— Понятия не имею.

— С шоколадной, говоришь? Ну что ж, это здорово...

И прежде чем Маринка успела сказать еще что-то, в трубке раздалась короткая гудка. Жена банкрота Евгения Крутилина вернулась к своим приятным занятиям, но сердце долго еще продолжало биться, словно растревоженная птица...

* * *

Радио в автомобиле было включено на полную мощь, веселый голос диджея в который раз за день поздравлял слушателей с православным Рождеством. Ехали медленно, еле-еле двигаясь в потоке — в праздничный вечер улицы Москвы оказались забиты почти под завязку. Макса это раздражало, он вел машину нервно, то слишком резко дергал с места, то пытался перестроиться в соседний ряд, где ему казалось посвободнее, то, ничуть не стесняясь присутствия хозяйки, матерился, проклиная на чем свет стоит других водителей, гаишников и чиновников, которые думают только о том, чтоб набить свой карман, а не о том, чтобы хоть как-то решить проблему с движением в столице. Зато Карина пребывала в отличном настроении и только посмеивалась над личным водителем и по совместительству охранником. Она ехала на свидание, не назначенное заранее, а задуманное как сюрприз, праздничный подарок, — и чувствовала себя совершенно замечательно. Подпевая лившейся из колонок модной песенке, она придирчиво осматривала свой свеженький маникюр и не находила в нем ни единого изъяна. Определенно, она не прогадала! Эта новенькая маникюрша, которую Карина перед Новым годом переманила в свой салон от конкурентов, стоила обещанных ей денег.

Наконец утомительное путешествие по запруженному машинами центру закончилось. Автомобиль свернул в тихий двор недавно отреставрированного дома на Солянке, гуднул клаксоном перед шлагбаумом, подрулил к высоким резным дверям подъезда. Макс сглотнул и поинтересовался:

— Я вам сегодня еще нужен?

— Сегодня — нет, — покачала головой Карина. — Я потом

Олег Рой

себе такси вызову. А ты поезжай домой, отдохни как следует. Праздник отметь. Но не забывай о завтрашнем поручении, — она хотела произнести это легко и беззаботно, но не получилось, голос все-таки дрогнул. — Ну, пока!

И, подхватив пакет с логотипом известной фирмы, специализирующейся на роскошном женском белье, Карина застучала каблукками. Нажала кнопку переговорного устройства, дождалась ответа, кокетливо прощбетала: «А это я! Не ждали?» — и исчезла за тяжелой дверью.

Макс тут же рванул с места. Скорее отогнать хозяйскую машину и домой. Боже, какое же это чудесное слово — домой! Ничего на свете не может быть лучше, чем возвращаться туда, где тебя любят и ждут, где тепло и горит свет. Ух, и напразднуются они сегодня! А завтрашнее поручение он исполнит, обязательно исполнит. А потом... Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить! Он запрещал себе даже думать о «потом», чтобы ненароком не рассердить судьбу, быть может, впервые в жизни улыбнувшуюся ему.

— Домо-ой, — запел он в полный голос. — Домо-о-о-ой!

* * *

Рождество Степе всегда нравилось даже больше, чем Новый год. Это пошло еще с детства, с тех сказок и романтических историй, которые читала ему вслух сестренка Вика. Она очень рано выучилась читать, года в четыре, и с тех пор не расставалась с книгами. А вот он, Степа, это занятие не слишком любил, ему было лень складывать буквы в слоги, а слоги в слова. Куда лучше это делает за тебя любимая сестренка. А Вика он действительно любил, да что там — обожал, боготворил просто. Маленьким бе-

гал за ней всюду, как хвостик, подражал всем ее словам, движениям, поступкам, смеша и умиляя взрослых.

С годами неприязнь к чтению прошла, а любовь к сестре осталась. Теперь, когда не стало родителей, Степа, хоть и был моложе, чувствовал себя ответственным за Вику, заботился о ней, баловал. На Рождество, например, подарит новый мобильник, а на Новый год преподнес перчатки, французские духи и шикарный трехтомник Толкиена на английском языке. Толкиену сестренка обрадовалась больше всего, сказала, что давно мечтала прочитать в подлиннике.

По-хорошему, Степану надо было сегодня быть на работе, в праздничные и предпраздничные дни там всегда особое оживление. Но он специально взял выходной, чтобы встретить Рождество дома.

Сейчас они с Викторией готовили праздничный ужин. Степа делал салат — ее любимый, с кукурузой и крабами, сестренка резала колбасу и красиво укладывала ее на тарелке. Пристроила последний кусочек, полюбовалась результатом, подняла голову, улыбнулась ему, хотела что-то сказать, но тут в храме, неподалеку от их дома, зазвонили в колокола.

Они оба, не сговариваясь, выглянули в окно, залюбовались пышным белым снегом, зимними деревьями, ярко подсвеченной церковью.

— Какая же красота! — проговорила Вика. — Как в сказке. С Рождеством тебя, братик!

— И тебя! — Степа обнял ее. Он чувствовал себя почти счастливым. Разве можно было думать о чем-то плохом в такой чудесный вечер? Даже если это плохое было очень плохим. Совсем плохим...

■ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Женя не помнил, кто первым назвал его Лохнессом и откуда взялось это прозвище. Твердо знал лишь одно — появилось оно в то время, когда слово «лох» еще не было так распространено и, соответственно, изначально в кличке не было ничего обидного. Скорей всего, дело было в мифическом шотландском чудовище. Когда Женька Крутилин учился в средней школе, все увлекались байкой про Несси, спорили до хрипоты, а подчас и до драки, может или не может так быть. Женя тогда буквально болел этой историей, зачитывался статьями в журналах, приносил в класс фотографии, вырезанные из «Науки и жизни», и даже создал собственную теорию, неоспоримо, как ему тогда казалось, доказывающую существование Несси. Неудивительно, что прилепилась кликуха... Хотя, может, Несси тут и ни при чем была. Просто Крутилин всегда ходил лохматым, с торчащими во все стороны вихрами. Эта непокорность его волос сохранилась и по сей день, только теперь он знал об этом и старался не допускать неряшливости, стригся часто и коротко.

Словом, лохматость прошла, а кличка осталась. Лохнессом Женьку звали и друзья в универе, и приятели на работе. И даже обе жены. Марина, нынешняя, — ласково, в шутку. А бывшая, Карина, когда сердилась и хотела побольнее уколоть, обозвав лохом...

«Домой, надо ехать домой. Помириться с Мариной, вместе встретить Рождество. Накроем стол, выпьем вина, включим телевизор и будем смотреть трансляцию праздничной службы. Я постараюсь забыть ее слова, она ведь говорила в порыве гнева... Зализать раны в своей берлоге, а там... Утро вечера мудренее», — эти мысли пульсировали в его голове, а он все не мог заставить себя встать с мягкого дивана в полутемном пабе. Наконец решился. Достал бумажник, положил купюру на столешницу и, не попрощавшись, игнорируя удивленные взгляды фитнес-приятелей, вышел на улицу.

Стоял морозный вечер с ясным звездным небом. Днем шел снег, и за какие-то три часа, которые Лохнесс провел в пабе, все вокруг изменилось как по волшебству. Деревья, кусты, крыши, карнизы, провода, ограды, искусственные елки на площадях — все словно родилось во второй раз и зажило новой радостной жизнью. Казалось, множество маленьких пушистых ангелочков спустились с небес на землю и весело рассыпались по ней, чтобы устроить людям настоящий праздник. Такие сказочные картины в городе редкость.

Издалека, со стороны Новодевичьего монастыря, донесся колокольный звон. Православные готовились к встрече Рождества.

Слегка пошатываясь, Женя вышел на Пироговку и неуверенно поднял руку. Он давно сам не ловил машину вот так, полупьяным. Да и вообще никак не ловил, всегда ездил на собственном джипе с водителем. Но перед каникулами водителя пришлось рассчитать, а джип сегодня остался на стоянке — Лохнесс заранее чувствовал, что может вечером напиться.

Рядом тормознула грязная убитая «шестерка», Женя сердито отмахнулся — проезжай, мол, я еще не настолько низко пал,

чтоб ездить на *таких* машинах. «Жигуленок» обиженно упилил прочь, а Лохнессу вдруг стало... не то чтобы стыдно, но как-то неловко. Кто он теперь такой, чтобы презирать людей, честным трудом зарабатывающих копейки? Еще неизвестно, что будет с ним самим через несколько месяцев...

Следом за «шестеркой» подрулила другая машина — «Волга», настоящее такси, даже с шашечками.

— Куда поедем, командир?

— На Солянку, — облегченно выдохнул Лохнесс и сел на заднее сиденье.

Внутри было тепло, тихо наигрывал оркестр Эдди Рознера.

Таксист, очевидно, любитель поболтать с клиентами, вопросительно полуобернулся, но, взглянув на пассажира, ничего не сказал.

Женя любил джаз. Дома у него собралась целая коллекция дисков: Олег Лундстрем, Генри Миллер, Карел Влах, Яков Скоморовский, его любимый Александр Цфасман... Слушая музыку, он прикрыл глаза и как-то сразу обмяк, на душе потеплело. Мелодия, связанная со счастливыми мгновениями жизни, перенесла его на год назад. В прошлом году они с Мариной встречали Рождество в Альпах. Именно в этот день, в далеком теперь Зельдене, они, вернувшись под вечер с крутых горнолыжных спусков, ужинали в уютном ресторане «Эдельвейс» и танцевали как раз под эту композицию. А потом провели такую незабываемую ночь!.. Какие слова он шептал ей тогда, какие ласки дарила она ему... И как же все изменилось за какой-то год! В карманах пусто, Маринка, его мягкая и пушистая Маринка, вчера вечером бросала ему в лицо какие-то дикие слова, называла его неудачником, лохом, проклинала тот день, когда они встретились... Женя вздох-

нул. От большого количества коньяка думалось тяжело, мысли путались, клонило в сон. Он и не заметил, что такси подъехало к его дому.

— Сюда? — уточнил водитель и, получив утвердительный ответ, завернул во двор.

Лохнесс поднял голову и посмотрел на окна своей квартиры. Везде темно, только в спальне мягкий, приглушенный полусвет.

«Дома», — почему-то с облегчением подумал он. После вчерашнего она могла отмочить что угодно — уехать к маме, пойти с подругами в клуб, но она все-таки дома. Это хороший знак.

Перед входом в квартиру Женя ощупал карман куртки. Рядом с ключами обнаружилась бархатная коробочка, в которой были сережки с бриллиантами — подарок Маринке на Рождество, куплен еще с утра.

На звук открывшейся двери Марина не вышла. Наверное, дует еще... Двигаясь не слишком уверенно, Лохнесс снял куртку, повесил на вешалку, переобулся. В квартире по-прежнему было тихо.

«Может, спит?» — мелькнуло в затуманенной алкоголем голове.

На цыпочках Женя двинулся к спальне. Сделав пару шагов, явственно почувствовал, как ударил в ноздри легкий сладковатый запах. Слишком хорошо знакомый запах — дурманящий, пьянящий, несущий с собой порок и разрушение... С недавних пор Евгений уже не мог спутать его ни с каким другим ароматом.

«Опять Маринка травку курила! — подумалось с досадой. — А ведь обещала...»

Он секунду помедлил, не зная, что делать дальше. Ворваться в комнату, разбудить, наорать на нее за то, что снова взялась за

старое? Или дожидаться, пока проснется сама, и потом отчитать? А как быть с подарком? Так хотелось сделать приятное...

У самой спальни запах «дури» ощущался сильнее. Двойные двери из настоящего черного дерева были закрыты. Женя уже собирался их приоткрыть, когда услышал изнутри приглушенный голос Марины, а затем — низкий, с хрипотцой, женский смех.

«С кем это она? — удивился Лохнесс. — Что-то новенькое. Обычно она курила траву одна».

Он снова прислушался. Голос Марины, мягкий и вкрадчивый, перемежался чьим-то отрывистым хихиканьем. Это хихиканье было знакомо Лохнессу, он его неоднократно где-то слышал. Но где? То, что подсовывала ему память, было слишком неправдоподобно. Тут смех резко оборвался, и незнакомка страстно зашептала что-то. Женю бросило в жар.

— Бред какой-то, — проговорил он себе под нос и дернул дверь.

К его удивлению, та оказалась заперта.

«Кого же там нелегкая принесла? — возмутился про себя Лохнесс. — Вот дуры! Заперлись и думают, что все шито-крыто. Как будто я запаха не учую!»

Он уже собрался отойти от дверей, когда из спальни раздались звуки, заставившие его замереть на месте. Сначала прозвучал слабый отрывистый стон, затем второй, громче и протяжнее, потом еще и еще... Стонала Марина, в этом у Жени не было сомнений. Как и в причине подобных стонов — кому, как не ее мужу, было знать, как ведет себя жена в постели? В первый момент он вообще ничего не понял. Там, за запертыми дверями, Марина занимается сексом? Но как же так, ведь второй голос был жен-

ский?.. Получается, его жена предается любовным утехам... с женщиной?

Доносившиеся из-за двери томные вздохи и стоны то затихали, то с новой силой обрушивались на ошарашенного Лохнесса. В первый момент, когда пришла догадка, он сначала даже не рассердился, а удивился, будучи просто не в состоянии понять — *как так?* Марина, его Марина — лесбиянка? Ну, пусть не лесбиянка, пусть, как это там называется, бисексуалка, что ли? Да, точно, би. Но все равно верилось в это с трудом. Она же раньше никогда...

Он постоял еще некоторое время, туго соображая, что ему делать: взломать дверь, чтобы увидеть, с кем это Маринка так нагло развлекается, или плюнуть на все. И тут его жена громко и явственно произнесла:

— Карина...

Лохнесса как током ударило. Этого не может быть!

— Карина... Кариночка... — словно в насмешку над ним, повторили за дверью. — Еще...

Он заскрипел зубами и на нетвердых ногах отошел от спальни. Стало ясно как день, что происходит внутри спальни. Там, на огромной испанской кровати, купленной за бешеные деньги полгода назад, когда о кризисе еще не было и помину, его нынешняя жена занималась сексом с его бывшей женой. Лохнесса чуть не стошнило, и он поплелся в ванную.

Из большого настенного зеркала на него смотрел стеклянными глазами осунувшийся, помятый и, похоже, совсем потерявшийся человек. Коротко стриженные русые волосы взлохмачены, очки не скрывают темных кругов под глазами, галстук съехал набок.

— Кто это? — Лохнесс оглянулся вокруг, как будто надеясь

увидеть еще кого-то рядом с собой. — Это я?.. Какой кошмар! Сколько же я выпил? — и застонал — то ли от того, что увидел в зеркале, то ли от нового предательства. Он плеснул на лицо холодной воды. — Никому нельзя верить. Маринка... и ты тоже, но зачем — так?! Да еще с Кариной, этой стервой...

Уткнувшись в большое махровое полотенце, висевшее на сушилке и еще сохранявшее нежный аромат шоколада, он просидел несколько минут. Затем резко поднялся, прошел в прихожую, наспех обулся, кое-как оделся, путаясь в рукавах пальто, вынул из кармана ключи, отсоединил те, что от квартиры, и бросил их на тумбочку. Громко хлопнув входной дверью, Евгений вылетел из подъезда и, переведя дыхание, с наслаждением вдохнул морозный воздух. На душе у него было пакостно, как никогда, он чувствовал себя опустошенным, и эта пустота разрывала его на части. Сердце бешено колотилось, а в голове, точно дробь дятла, мелькали вопрос за вопросом: «Что же это? Что? Почему она со мной так? Чего я недодал Марине, что она стала трахаться с бабами? Да еще с этой курвой?.. А может, она и раньше была такой? Может, она меня просто использовала все это время?.. И была со мной просто из-за денег? За что мне все это? И что же делать? Что делать?..»

Сейчас желание было одно — бежать. Подальше от этого дома, от этой гадости, этого предательства.

Казалось, что от бед и несправедливостей, которые подняли целую бурю в его душе, во всем мире, в природе должно было что-то измениться. Но когда он огляделся, все было тихо. Москва жила обычной вечерней жизнью: светились окна, шумели автомобили, где-то разговаривали и смеялись люди. На небе появился месяц, красивый и яркий, точно из мультфильма.